

Dostojevskij a Nietzsche
TRAGICKÝ OSUD ČLOVEKA. Za a proti...

Peter Nezník - Boris Markov a kol.

Dostojevskij a Nietzsche

Tragický osud člověka. Za a proti...

Peter Nezník – Boris Markov a kol.

Košice 2018

Достоевский и Ницше

Трагическая судьба человека. За и против...

Петер Незник – Борис Марков и кол.

Кошице 2018

Vedecká monografia je výsledkom riešenia grantovej úlohy **VEGA** č. 1/0715/16 Dostojevskij a Nietzsche v kontextoch česko-slovenskej a ruskej filozofie 19. a 20. storočia.

Dostojevskij a Nietzsche. Tragický osud človeka. Za a proti...

*Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, Filozofická fakulta,
Katedra filozofie a dejín filozofie*

Redakčná rada:

predseda: doc. PhDr. Peter Nezník, CSc. – prof. Boris Markov, DrSc.;
prof. J. V. Sineokaja, DrSc.; prof. I. I. Evlampiev, DrSc.;
doc. L. E. Artamoshkina, DrSc.; doc. E. N. Lisanyuk, DrSc.;
doc. O. A. Kovaľ, PhD.; dr hab. P. Bartula; Mgr. E. Dědečková;
doc. Mgr. R. Stojka, PhD.

Vedecký redaktor:

prof. PhDr. Eugen Andreanský, PhD.

Editori:

doc. PhDr. Peter Nezník, CSc.
prof. Boris Markov, DrSc.

Návrh obálky:

© Richard Nezník, Jozef Korbel

Technickí redaktori:

doc. RNDr. Ján Buša, CSc. a Ing. Dominik Nezník

Recenzenti:

doc. PhDr. Vladislav Dudinský, PhD.
prof. Mgr. Tomáš Hauer, Dr.

© Na obálke je reprodukcia portrétu Jeanne Hébuterne Amedea Modiglianiho. Jej autorkou, a rovnako i všetkých ilustrácií v texte, je Drahomíra Dubinská.

© 2018 P. Nezník, B. Markov, K. Sergejev, I. Evlampiev, E. Lisanyuk, V. Perov, J. Sineokaja, A. Chochlov, O. Kovaľ, P. Bartula, E. Dědečková, R. Stojka, R. Stáhel, B. Czardybon, L. Cypina, E. Krjukova

© Fotografie a texty súkromný archív K. A. Sergejeva a jeho žiakov

© Fotografie S. Toeskin

© 2018 Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, Filozofická fakulta

Za vedeckú a jazykovú správnosť zodpovedajú autori.

Všetky práva vyhradené. Toto dielo ani žiadnu jeho časť nemožno reprodukovat', ukladať do informačných systémov alebo inak reprodukovat' bez súhlasu majiteľov práv.

ISBN 978-80-8152-632-9

Venujeme s láskou, úctou a vďakou
Profesorovi Konstantinovi Andrejevičovi Sergejevovi, DrSc.,
profesorovi Filozofickej fakulty Sankt-Peterburgskej štátnej univerzity
Sankt-Peterburg, Rusko.

Obsah

Úvod

Kríza človeka a ruská filozofia stretávania sa
Markov Boris – Nezník Peter 11

Введение

Кризис человека и русская философия общения
Марков Борис – Незник Петер 27

Без него стало труднее, и философствовать, и жить...
Перов Юрий Валериянович 44

1. kapitola

Философия в постчеловеческую эпоху
Марков Борис 50

2. kapitola

Рождение принципов неклассической метафизики в творчестве
Ф. Достоевского и Ф. Ницше и ее окончательное становление
в русской философии начала XX века
Евлампович Игорь 73

3. kapitola

Философия свободы Льва Шестова
Синеокая Юлия, Хохлов Антон 98

К. А. Sergejev v spomienkach a textoch 118

4. kapitola

«Гордиев узел», «Колумбово яйцо» и другие парадоксы подобного рода
Слинин Ярослав 124

5. kapitola

Буридан об истине предложений
Лисанюк Елена 133

6. kapitola

Средневековая логика глазами логиков эпохи Возрождения
Лисанюк Елена 148

7. kapitola	
Neautorizovaný rozhovor s Macbethom	
Bartula Piotr	168
8. kapitola	
Философия французского Просвещения	
Наука и сатира: Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694 – 1778)	
Сергеев Константин Андреевич	180
9. kapitola	
«Антинормативный поворот» в этике: Кант и Ницше	
Перов Вадим	195
10. kapitola	
Šestov: Dostojevskij a Nietzsche	
(tragické dvojčatá a ich dielo filozofia tragédie)	
Neznik Peter.....	210
11. kapitola	
«Гений как болезнь и болезнь как гений»:	
синтез идей Достоевского и Ницше в творчестве Томаса Манна	
Коваль Оксана, Крюкова Екатерина	247
12. kapitola	
Kafka: Výčitka ako dýka prenikajúca spoločnosťou,	
ktorá má neporušená prejsť až na onen svet...	
Dědečková Eva	257
13. kapitola	
Фигуры мизологии: С. Кьеркегор и Л. Шестов	
Цыпина Лада	271
14. kapitola	
Patočka, Tolstoj a životná amplitúda	
Stojka Róbert.....	296
15. kapitola	
Filozofia Nicolaia Hartmanna a ruská filozofia – vybrané analógie	
Czardybon Barbara	308
16. kapitola	
K Dostojevského geopolitickým názorom	
Stáhel Richard.....	322

Záver	
<i>Gesto a úsmev vo filozofii a v umení</i>	
<i>Markov Boris – Nezník Peter</i>	341
Заклучение	
<i>Жест и улыбка в философии и искусстве.</i>	
<i>Марков Борис – Незник Петер</i>	353
<i>Summary</i>	365
<i>Zoznam literatúry</i>	375
<i>O autoroch</i>	384

«Антинормативный поворот» в этике: Кант и Ницше¹

Перов Вадим

Общим контекстом рассмотрения проблем соотношения этических взглядов И. Канта и Ф. Ницше может считаться так называемый «антинормативный поворот», произошедший в западноевропейской моральной философии в XIX веке. Суть его кратко может быть сформулирована следующим образом. Идущая от античности этика имела ярко выраженный нормативный характер, что предполагает в качестве главной предпосылки и фактически аксиомы утверждение, которое в обобщенном виде может быть сформулировано следующим образом: «Человек должен быть нравственным». В связи с этим, основными вопросами, ответы на которые искали философы морали, были: «что такое нравственность?», «что значит быть нравственным?», «что человек должен делать, чтобы стать нравственным?» и т. д. Но в XIX веке данная «аксиома» в трудах некоторых мыслителей трансформируется в проблему: «Должен ли человек быть нравственным?». Философы начинают задаваться вопросами: «нравственность это хорошо?», «правильно ли быть нравственным?» и т. д., тем самым существование нравственности как чего-то безусловно положительного подвергается философско-критическому переосмыслению. И если своеобразной «вершиной» нормативной этики обычно считается моральная философия Канта и прямо или косвенно опирающиеся на кантовскую этику современные деонтологические этические концепции, то составить исчерпывающий список этических «антинормативистов» не представляется возможным. Тем не менее, если говорить

1. Это обновленная версия статьи Перов В.Ю. «Кант и Ницше: свет и тень?», которая впервые была опубликована в сборнике «Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева.» Сер. «Мыслители» Санкт-Петербург, 2002. С. 175-184. В ее основе были материалы спецкурса, прочитанного в 1993 году на Философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета «Моральное сознание» и его критики (Гегель, Маркс, Ницше)», а так же доклада, сделанного в феврале 2002 г. на заседании постоянно действующего Философском факультете СПбГУ семинара, посвященного творчеству Ницше. Кроме того, развитие основных идей было представлено для обсуждения в Университете П.Й.Шафарика в Кошице (Словакия) во время Дней Петербургской философии в Словакии (2017), в рамках которых проходил Международный российско-словацкий философский коллоквиум по теме «Достоевский и Ницше. Проблема человека», организованный при участии программы ERASMUS+ и в сотрудничестве с Российским центром для науки и образования РФ в Словакии.

именно о философии XIX века, то можно выделить две доминирующие тенденции.

Во-первых, это философия Гегеля и критическая философия «старо-» и «младогегельянцев». В философии Гегеля мораль (моральность) выступала всего лишь как необходимый, но обязательно преодолеваемый посредством «диалектического снятия» этап развития и самопознания Абсолютной Идеи. Для него быть моральным это означало обладать «несчастливым сознанием», которое является разорванным и не имеющим оснований в самом себе. По сути, эту традицию продолжает и К.Маркс, считая мораль порождением антагонистических противоречий классового общества, формой идеологии как ложного и иллюзорного сознания, преодоление которого будет возможно в будущем бесклассовом обществе.

Во-вторых, это традиция иррационализма и волюнтаризма, во многом идущая от философии А.Шопенгауэра. Именно в этике Шопенгауэра подвергается переосмыслению «классическое» понимание соотношения добра и зла. Начиная с античности существовало представление о существовании «добра» и не существовании «зла» в том смысле, что «зло» есть просто отсутствие «добра». Эта традиция особенно видна в христианской мысли, в рамках которой существование «зла» объяснялось своеобразной его актуализацией в результате творения мира из «ничто». Именно это «ничто», которое присутствует в каждом божественном творении, в том числе и человеке, является причиной страданий (зла), что проявилось и в акте грехопадения, результатом которого, согласно библейскому сюжету, стало «отлучение» человечества от добра (всеблагота бога и блаженства райской жизни). Кардинально иную позицию занимает Шопенгауэр: как раз «зло» (страдание) существует и обладает реальностью, в то время как «добро» (удовольствие и блаженство) не существует и нереально, поскольку есть только временное и преходящее отсутствие «зла» (страданий). И в этом ему видится сущностный недостаток всех предшествующих этических концепций. В результате Шопенгауэр закладывает в отношении морали традицию «переоценки всех ценностей», что наиболее полно нашло свое выражение в творчестве Ф.Ницше. Именно его критику морали можно считать как наиболее яркое выражение «антинормативного поворота» в XIX веке, в связи с чем, имеет смысл сравнить его взгляды с моральной философией Канта как последовательного представителя нормативного подхода в этике.

Круг противоречивых ответов на вопрос «Ницше и нравственность» достаточно очевиден. Какую позицию занимает Ницше в отношении

нравственности? Аморалист, имморалист или сверхморалист, провозвестник будущего, поставивший точный и беспощадный диагноз человечеству, или сумасшедший, запутавшийся в дебрях своего сумеречного сознания, мораль сверхчеловека – новая, более высокая нравственность или «обыкновенный фашизм», человеконенавистническая идеология и т. д.? Литература, посвященная этому, может составить полноценную библиотеку, и вряд ли к ней можно прибавить нечто такое, что в корне изменит разнообразие интерпретаций философии Ницше. Поэтому, следует оговориться, что речь пойдет не об «исторических» Канте и Ницше. Кант создавал этику трансцендентального субъекта, Ницше занимался критикой морали с позиции «сверхчеловека». Вопрос в том, является ли значимой (и в чем) их интерпретация нравственности для нас даже в том случае, если мы не разделяем их общие теоретические установки (например, если отвлекаться от того, что способ решения ряда этических вопросов у Канта был обусловлен структурой его трансцендентальной философии, в частности теорией познания). Иными словами, применимы ли этические изыскания к реальным людям, а не к трансцендентальному субъекту и не к сверхчеловеку, которыми мы не являемся?

Сравнивая этические взгляды Канта и Ницше, трудно представить более противоположных мыслителей. Если попробовать перечислить наиболее известных в истории «моралистов» (не в практическом отношении, а теоретиков морали, внесших значительный вклад в обоснование значимости нравственности), то Кант попадет в число первых. Аналогично, если составить список «аморалистов», т.е. тех, кто отрицал положительное значение нравственности или пытался ограничить ее, то туда без сомнения попадет Ницше. Если обратиться к их интерпретации нравственности, то они выглядят как антиподы, тем более что сам Ницше не скрывал своего негативного отношения к Канту.

Кант: схоластически рафинированный мыслитель, тщательно исследующий содержание и значение используемых понятий, систематик и «схематик», зачастую рабски следующий однажды выбранным способам выстраивания мыслей (например, «Таблица категорий свободы в отношении понятий доброго или злого» – вымученное и искусственное рассуждение в «Критике практического разума», дань структуре «Критики чистого разума», ничего не добавляющее к аргументам в области моральной философии).

Ницше: яркий, афористичный мыслитель, противник строгих и систематических философских рассуждений («Я не доверяю всем системам»).

тикам и сторонюсь их. Воля к системе есть недостаток честности»²), мастер не строгих формулировок, а метких язвительных, броских, иногда оскорбительных оценок, зачастую не утруждающий себя последовательным анализом проблем и чужих точек зрения, расправляющийся с оппонентами хлесткими и острыми, разящими как жало фразами («...уродливейшего идейного калеку, какой только существовал, великого Канта...», «Лейбниц и Кант – это два величайших тормоза интеллектуальной правдивости Европы!»).

Кант: главная задача всей критической, трансцендентальной философии Канта, в том числе и его моральной философии, которую он формулирует еще в «Критике чистого разума» – оправдание «веры в бога», создание «моральной теологии» (в русском переводе «*этико-теология*»), которая заканчивается моральным «доказательством» (постулатами чистого практического разума) бытия бога и бессмертия души. Конечно, этические взгляды Канта нельзя отнести к религиозной этике, но его моральная философия невозможна без очевидных религиозных мотивов.

Ницше: нет большего врага, чем религиозная, прежде всего христианская этика. И Канта он определяет как «*коварного христианина*». Именно с религиозной христианской моралью Ницше связывает все самое мерзкое, что происходит с человеком.

Кант: поиск «чистой культуры морали», выхолащивание из нравственности всего чувственного, всего человеческого, относящегося к феноменальному, телесному миру «*низшей способности*» желания, антипсихологизм и абстрактный формализм его этики и т.д. Категорический императив существует в силу своей разумности, он безразличен к реальности своего воплощения в жизни, и, как следствие, жизнь оказывается безразличной к моральному закону в виде категорического императива: «И тут уже ничто не может предотвратить полного отречения от наших идей долга и сохранить в душе заслуженное уважение к закону, кроме ясного убеждения, что если даже никогда и не было бы поступков, которые возникали бы из таких чистых источников, то ведь здесь вовсе нет и речи о том, происходит или нет то и другое, – разум себе самому и независимо от всех явлений предписывает то, что должно происходить; стало быть, поступки, примера которых, может быть, до сих пор и не дал мир и в возможности кото-

2. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т.2, с. 560.

рых очень сомневался бы даже тот, кто все основывает на опыте, тем не менее неумолимо предписываются разумом».³

Ницше: «животный биологизм», «философия жизни», оценка нравственности с точки зрения ее влияния на жизнь и т.д. Критика нравственности, в том числе и представленной у Канта, как «противной» жизни и противостоящей проявлению всех жизненных сил человека. *Кант:* формальный «долг ради долга». Мотив нравственных поступков: безусловное подчинение моральному закону («дисциплина чистого практического разума»), основанное на долге, проистекающего из чувства уважения к нему: «*Долг!* Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и даже против воли может снискать уважение к себе (хотя не всегда исполнение); перед тобой замолкают все склонности, хотя бы они тебе втайне и противодействовали, – где же твой достойный источник и где корни твоего благородного происхождения, гордо отвергающего всякое родство со склонностями, и откуда возникают необходимые условия того достоинства, которое только люди могут дать тебе?».⁴

Ницше: всякое подчинение чему бы то ни было, тем более, моральному закону является подавление жизни, следовательно, аморальным. У Ницше и речи не может идти об *уважении* к моральному закону. «Разве не чувствуется категорический императив Канта, как *опасный для жизни*... Только инстинкт теолога взял его под защиту! – Поступок, к которому вынуждает инстинкт жизни, имеет в чувстве удовольствия, им вызываемом, доказательство своей *правильности*; а тот нигилист с христиански-догматическими потрохами принимает удовольствие за *возражение*... Что действует разрушительнее тою, если заставить человека работать, думать, чувствовать без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без *удовольствия* как автомат «долга»?»⁵ Примеры подобных расхождений можно продолжить.

Казалось бы, все говорит о том, что отношение к нравственности Канта и Ницше диаметрально противоположно. По вполне понятным причинам, мы не можем знать, как Кант относился бы к философии Ниц-

3. Кант И. Критика практического разума // Кант. И. Соч. в 6-ти тт., М., 1965, Т. 4(1), с. 245.

4. Кант И. Критика практического разума // Кант. И. Соч. в 6-ти тт., М., 1965, Т. 4(1), с. 387.

5. Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т.2, с. 638.

ше, а вот критическое отношение Ницше к Канту известно. Подбор цитат, в которых Ницше в свойственной ему резкой афористичной манере высказывается по поводу «кенингсбергского китаизма» и тому подобных может занять не один десяток страниц. Это кажется настолько тривиальным, что мало у кого вызывает сомнения. П. Слотердайк фактически начинает свою работу «Критика цинического разума» именно с этого трюизма, по сути дела ставя вопрос о том, кто прав: Кант или Ницше: «Кто бы скрепя сердце принял бы на себя обязанность сделать для Канта обзор истории начиная с 1795 года, когда философ опубликовал свою работу «К вечному миру»? У кого бы хватило нервов информировать его о состоянии Просвещения, о том, как происходил выход человека из состояния «несовершеннолетия по собственной вине»? Кто был бы настолько легкомыслен, чтобы решиться объяснить суть тезисов Маркса о Фейербахе?». ⁶ При этом Ницше рассматривается им как своеобразных провозвестник будущего, противопоставляющийся Канту: «Ницше уже учил реализму, который должен был облегчить грядущим поколениям буржуазии и мелкой буржуазии расставание с идеалистическим лживым вздором, сдерживающим волю к власти... Мы снова чувствуем актуальность Ницше...». ⁷

Говоря о различиях в отношении к нравственности Канта и Ницше, следует обратить внимание на то, что у Ницше две морали. Он постоянно пишет о том, что необходимо подвергнуть нравственность нравственной критике. Даже сам лозунг о «переоценке всех ценностей» звучит именно таким образом, что на место одних ценностей, в том числе и нравственных, которые являются лживыми, иллюзорными, неистинными, т.е. безнравственными, должны прийти другие, собственно нравственные ценности. Есть «мораль рабов», мораль слабых духом, и есть «мораль господ», мораль аристократов духа, мораль сверхчеловека. Именно последняя является «истинной», подлинной моралью с точки зрения Ницше. Но что же она из себя представляет? Основные ее положения общеизвестны. Добродетели этой морали проистекают непосредственно из жизненной силы, «воли к жизни», являются ее продолжением, это есть способ самоутверждения, есть потребность в самой жизни. Сверхчеловек, согласно Ницше, поступает добродетельно не под воздействием ситуации, внешних обстоятельств, сиюминутных соображений выгоды, удовольствия или страха перед наказанием, а исключительно в силу самодостаточ-

6. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001, с. 12.

7. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001, с. 10.

ности собственного существования. Он действует как автономный субъект, который не нуждается ни в чем внешнем для своего действия. И власть, о которой идет речь в «воле к власти» принимает в данном контексте вполне определенный смысл. Это не власть, как ее иногда понимают, как господство одного человека над другим. Сверхчеловек не нуждается в такой власти, он самодостаточен и не нуждается в других, ни с точки зрения подчинения (т.е. стремления получить что-то от милости других), ни с точки зрения господства (отобрать у других то, чего нет у него самого). Ему не нужно никому ничего доказывать, искать у других подтверждения своего величия. Стремление к господству, к власти над другим (так же как и стремление к подчинению) есть свойство «рабов», поскольку они являются «ущербными» в буквальном смысле этого слова, в них присутствует недостаток, «пустоты» собственного существования, проявляющиеся в неспособности к жизни, а, следовательно, в слабости жизни. Они не способны к самоутверждению. И для того, чтобы заполнить эту «ущербность», эту «пустоту» они вынуждены заполнять ее за счет господства над другими или подчинения, в расчете на милость со стороны других, объявляя свою слабость своей силой (такие рассуждения Ницше содержательно очень напоминают «диалектику раба и господина» в «Философии права» Гегеля, который доказывал, что господин столь же нуждается в рабе, как и раб в господине). Показателен в этом отношении вопрос Родиона Раскольникова из романа Ф.М.Достоевского «тварь я дрожащая или право имею?». Это есть типичный вопрос «рабской морали», требующей внешнего подтверждения для разрешения собственных сомнений. Будучи неспособными жить самостоятельно, «моральные рабы» живут за счет других, ища у других то, чего они сами лишены. Раскольников идет на убийство, пытаясь решить свои не только материальные, но и моральные проблемы за счет других. Именно это есть одно из проявлений морали *ressentiment*: «Один идет к ближнему, потому что он ищет себя, другой – потому что он потерял себя. Ваша дурная любовь к самим себе делает для вас из одиночества тюрьму».⁸

В чем же особенность знатного человека, в чем его сила, а значит, и превосходство над остальными? Ответ Ницше прост: в способности создавать ценности. «Люди знатной породы чувствуют себя мерилом ценностей, они не нуждаются в одобрении, они говорят: «то, что вредно для меня, то вредно само по себе», они сознают себя тем,

8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т.2, с. 44.

что вообще только и дает достоинство вещам, они создают ценности». ⁹ Именно этой способностью к созидательной деятельности, к тому, чтобы быть законом для самого себя и определяет мораль аристократов духа. Ницше часто пишет о презрении ко всем остальным, слабым. «Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение *нашей* любви к человеку. И им даже нужно помочь в этом». ¹⁰ Но, с другой стороны, это не есть сущностная характеристика сверхчеловека, скорее это есть результат его бесстрастия, «апатии» в ее классическом стоическом понимании. Сверхчеловек самодостаточен, и поэтому лишен тщеславия, которое есть источник презрения и ненависти к другим. Более того, знатный человек есть подлинно моральный, он способен на истинно добродетельные поступки, которые протекают непосредственно из его природы. «Тут мы видим на первом плане чувство избытка, чувство мощи, бьющей через край, счастье высокого напряжения, сознание богатства, готового дарить и раздавать: и знатный человек помогает несчастному, но не или почти не из сострадания, а больше из побуждения, вызываемого избытком мощи». ¹¹ И именно эта сила является и источником уважения к любому, кто ей обладает.

Если с этой позиции посмотреть на этику Канта, то мы обнаружим много общего. У Канта мораль носит автономный характер, все, что определяется в поступках внешними обстоятельствами (чувственно воспринимаемым, эмпирическим, феноменальным миром) не есть мораль в собственном смысле этого слова. Человек должен освободиться от всего внешнего (*свобода от...*), чтобы реализовывать *свободу для...*, то есть стать способным к подлинно моральным действиям, обрести моральное достоинство. «Но что же это такое, что дает право нравственно добродетели заявлять такие высокие притязания? Не что иное, как *участие во всеобщем законодательстве*, какое они обеспечивают разумному существу и благодаря которому делают его пригодным к тому, чтобы быть членом в возможном царстве целей. Для этого разумное существо было предназначено уже своей собственной природой как цель сама по себе и именно поэтому как законодательствующее в царстве целей, как свободное по отношению ко всем законам природы, повинующееся только тем законам, которые оно само себе дает и на основе кото-

9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т. 2, с. 382.

10. Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т. 2, с. 633.

11. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т. 2, с. 382.

рых его максимы могут принадлежать ко всеобщему законодательству (какому оно само также подчиняется). В самом деле, все имеет только ту ценность, какую определяет закон. Само же законодательство, определяющее всякую ценность, именно поэтому должно обладать достоинством, т.е. безусловной, несравнимой ценностью. Единственно подходящее выражение для той оценки, которую разумное существо должно дать этому достоинству, это—слово уважение. *Автономия* есть, таким образом, основание достоинства человека и всякого разумного существа». ¹² Автономия, самозаконодательство разума, «абсолютная спонтанность свободы» и т. д. – разве эти высказывания противоречат позиции Ницше? "Поступай так, чтобы максима **твоей** [выделено мной – В. П.] воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». ¹³ Именно субъективная, т.е. максима воли автономного, свободного субъекта должна быть источником подлинной нравственности. Конечно, можно возразить, что у Канта речь идет о некоем «трансцендентальном» человеке, «чистом ноумене», чья воля проистекает сама из себя и в этом смысле не нуждается не в каком нравственном законе. Но ведь и у Ницше сверхчеловек не есть реальность, а есть грядущий сверхчеловек, человек будущего, чье время уже ощущается, но еще полностью не пришло. Именно поэтому, мы встречаем у Ницше наряду с уничижающей критикой Канта и высказывания совершенно противоположного рода: «... сама же задача требует кое-чего другого – она требует, чтобы он *создавал ценности*. Упомянутым философским работникам следует, по благородному почину Канта и Гегеля, прочно установить и втиснуть в формулы огромный наличный состав оценок – т.е. былого *установления ценностей*, создания ценностей, оценок, господствующих нынче и с некоторого времени называемых «истинами», – все равно, будет ли это в области *логической*, или *политической* (моральной), или *художественной*. Этим исследователям надлежит сделать ясным, доступным обсуждению, удобопонятным, сподручным все случившееся и оцененное, надлежит сократить все длинное, даже само «время», и одолеть все прошедшее: это колоссальная и в высшей степени удивительная задача, служение которой может удовлетворить всякую утонченную гордость, всякую упорную волю. *Подлинные же философы суть повелители и законодатели*; они говорят: «*так должно быть!*», они-то и определяют «куда?» и «зачем?» человека и при этом распоряжа-

12. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант. И. Соч. в 6-ти тт., М., 1965, Т. 4(1), с. 278.

13. Кант И. Критика практического разума // Кант. И. Соч. в 6-ти тт., М., 1965, Т. 4(1), с. 347.

ются подготовительной работой всех философских работников, всех победителей прошлого, – они простирают творческую руку в будущее, и все, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их «познавание» есть *созидание*, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть воля к власти. – Есть ли нынче такие философы? Были ли уже такие философы? Не *должны* ли быть такие философы?...»¹⁴

Почему же, при некоторой общности исходных позиций в отношении нравственности у Канта и Ницше они предстают в качестве столь различных мыслителей? Говоря о точках соприкосновения во взглядах Канта и Ницше, следует отметить не только то, что в них утверждается, но и то, против чего были направлены их этические концепции. Этический протест Ницше и Канта был связан с отрицанием этики господства и подчинения, основанного на отношениях личной зависимости, против этики патернализма, делающей человека несамостоятельной личностью. Во времена Канта очень остро ощущалось, что силы человека были скованы религиозными, сословными и прочими узами, которые делали человека не личностью, а членом объединения. Человек был в ситуации «моральной невменяемости», он рассматривался как «моральный недоумок» (идея изначальной греховности, то есть моральной испорченности человеческой природы воплощенная в христианском догмате первородного греха), фактически отрицалось не только его право, но и способность самостоятельно определять свое поведение, решать, что есть добро и зло. Человек нуждался в постоянной опеке, в общественных отношениях и социальных институтах господствовали различные варианты морального патернализма. Решения принимались за человека, а он как часть объединения, к которому принадлежал, должен был беспрекословно подчиняться, в противном случае его ждало наказание в виде изгнания из общности. Отношения личной зависимости, предполагающая «естественное» неравенство не только в социальной, но и в моральной жизни, на которых была построена сословная нравственность, культивировали мораль, основанную не на собственных взглядах, а на основе милости (божественной, церковной, сюзерена и т.д.). Именно такая мораль вызывала протест у Канта, этим объясняется его негативное отношение к «этике благодеяний», которое характерно и для Ницше. «Все люди бывают сконфужены оказанными им благодеяниями, потому что человек становится обязанным то-

14. Ницше Ф. Сумерки идолов или так философствуют молотом // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т.2, с. 335-336.

му, кто оказал ему благодеяние. Но каждый стыдится быть обязанным». ¹⁵ Человек должен быть обязан во всем только самому себе. Благодеяния унижают человека, ставят его в неравное положение, нарушают нравственные отношения между добродетельными людьми. Поэтому и неудивителен вывод Канта в отношении благодеяний. «Впрочем, лучше отказаться от чего-либо, чем принять благодеяние. Ведь если я дам своему благодетелю в десять раз больше, чем он мне, мы все-таки не будем квиты, так как он оказал мне благодеяние, которое не обязан был мне оказывать. Он первым оказал мне его, и если я отдам в десять раз больше, то сделаю это лишь для того, чтобы отплатить ему благодеянием и вернуть долг. В этой ситуации я не могу опередить его; он всегда останется тем. Кто первый облагодетельствовал меня». ¹⁶ В ситуации оказанного благодеяния и необходимости ответить благодарностью человек перестает быть автономным, самодостаточным и самоопределяемым, он попадает в отношения моральной зависимости, перестает быть собственником самого себя, что неприемлемо как для Канта, так и для Ницше. Именно человек как собственник самого себя, имеющий моральное «право на все» (Т.Гоббс), обязанный всему самому себе (*self-made man*) и есть нравственный идеал современного общества, нашедший свое выражение в этике Канта и Ницше.

Но при всех параллелях между Кантом и Ницше остаются и существенные расхождения, и даже противоречия между их взглядами. Не следует забывать, что их творчество разделяет почти целое столетие. Во времена Канта в соответствии с идеалами Просвещения господствовал исторический оптимизм, заключавшейся в иллюзии, что стоит разрушить наличествующие ограничения и зависимости, как человечество из состояния неразумия благодаря разумности всех и каждого перейдет в «царство разума». Известно начало знаменитой работы Канта, которая часто рассматривается как манифест эпохи Просвещения: «*Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие* есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться *собственным* умом! – таков, следовательно,

15. Кант И. Лекции по этике. М., 2000, с. 197.

16. Кант И. Лекции по этике. М., 2000, с. 199.

девиз Просвещения. Лениность и трусость – вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства (*naturaliter maiorennnes*), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заметить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, и т. п., то мне нечего и утруждать себя. Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим скучным делом займутся вместо меня другие». ¹⁷ Чем не рассуждения Ницше о «морали сверхчеловека» и «морали рабов»? Каждый может, освободившись от имеющихся как социальных, так и интеллектуальных и моральных оков, стать «достойным счастья» или оставаться «ленивым рабом». Произошло фактическое отождествление свободы самоопределения как реальности и как требования. Именно поэтому, у Канта существенным моментом оказывается «дисциплина чистого практического разума» единого для всех разумных существ, и самоопределение в утверждении собственной субъективности, мотивирующей всеобщее законодательство, оказалось безличной универсальностью, которой человек должен подчиниться в силу своей разумности.

Совсем иную ситуацию застаёт Ницше. Идеалы Просвещения еще не потеряны, но исторический оптимизм их осуществления несколько померк. Оказалось, что на смену отношениям личной зависимости пришли безличные, скрытые формы отношений власти (этим во многом определяется иррационализм Ницше). При том, что сохранились моральные требования Просвещения «быть самим собой», человеку в этих условиях очень трудно отстаивать собственный стиль жизни, собственные нравственные идеалы. Человек оказался разрываемым между моральными требованиями утверждения индивидуальности и необходимостью приспособляться к реальности отношений собственной жизнедеятельности. Получилось так, что отстаивать собственную неповторимую уникальность, самостоятельность в определении добра и зла могут только люди исключительные в нравственном отношении, обладающие волей к самоутверждению, «сверхчеловек» в терминологии Ницше. Реальность «победила идеалы». Конечно, в этическом плане, это было обусловлено и противоречивостью моральных идеалов Просвещения. Не следует забывать, что это

17. Кант И. «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? (1784)» // Кант. И. Соч. в 6-ти тт., М., 1965, Т. 4(1), с. 27.

были идеалы третьего сословия, идеалы, в которых пафос свержения морально изжившего сословного строя удивительным образом сочетался со спокойной и миролюбивой этикой конформизма, отстаивающей благожелательное отношение к другим, мотивированное расчетом на их благосклонность в удовлетворении собственных интересов. И если революционный пафос самоутверждения быстро иссяк, то конформизм остался, «мораль рабов» снова победила. Это очень хорошо подметили К.Маркс и Ф.Энгельс в «Немецкой идеологии», оценивая моральную философию Канта следующим образом: «Состояние Германии в конце прошлого века полностью отражается в кантовской «Критике практического разума». В то время как французская буржуазия посредством колоссальнейшей из известных в истории революций достигла господства и завоевала европейский континент, в то время как политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала промышленность и подчинила себе Индию политически, а весь остальной мир коммерчески, – в это время бессильные немецкие бюргеры дошли только до «доброй воли». Кант успокоился на одной лишь «доброй воле», даже если она остаётся совершенно безрезультатной, и перенёс осуществление этой доброй воли, гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов, в *потусторонний* мир. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров...». ¹⁸

По всей видимости, этого и не мог вынести Ницше и старался возродить своей философией «бунтующего человека», он не мог простить Канту забвение революционного пафоса, того, что именно взгляды Канта на долг и дисциплину стали в XIX веке официальной воспитательной идеологией прусского государства, идеологией всеобщей унификации: «Самые глубокие законы сохранения и роста повелевают как раз обратное: чтобы каждый находил в себе свою добродетель, свой категорический императив. Народ идет к гибели, если он смешивает свой долг с долгом вообще». ¹⁹ Но дело не столько в философии Канта и не в противоречивости идеалов Просвещения. Дело в самой действительности, в способе жизнедеятельности, которая стала характерной для европейского человечества. Но это уже не проблема самой моральной философии, а проблема практической жизни. Как писал Маркс в уже упоминавшихся выше «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но де-

18. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с. 182.

19. Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. в двух томах. М., 1990, т.2, с. 639.